

Мария БИЕШУ:

Молдавия - Кишинев - 1990 - 15 сеп. с. 5

«ЛЕЧИТЬСЯ ПРИДЕТСЯ ДОЛГО»

Скромные буквы на афишах города — «Инвиз Мария Биешу» ничего не скажут о масштабе первого в Молдавии Всесоюзного фестиваля звезд оперного и балетного искусства. Кроме имени Марии Биешу в программах оперных спектаклей — имена Ирины Архиповой, последней обладательницы I премии международного конкурса «Мадам Баттерфляй» 1990 года Кати Кудрявченко, а есть еще прогремевший на всю страну солист Донецкого государственного академического театра оперы и балета Вадим Писарев... Разумеется, кого расспрашивать обо всем, что нас ожидает в эти девять дней сентября, как не саму хозяйку программы — Марию Биешу? Там более, исчезли со страниц печати и экранов ТВ. А что думают люди такого масштаба славы и дарования об искусстве сегодняшнего дня? О чем они беспокоятся и что их, собственно, в этом искусственном молчании вокруг них — беспокоит? И как они относятся к политическим конфликтам? Они, цвет нации, ее имя и ее престиж?

— Мария Лукьяновна, вы так давно не выступали в печати...

М. Б. — А почему я так давно не выступаю в печати? Что делают наши корреспонденты? — ???

М. Б. — Они забыли не только обо мне! Какая разница что им помешало — политика ли, другие причины... Политика — искусство! Какое сравнение. Тем более что искусство вообще должно сглаживать такие моменты... такие конфликты. Искусство спокон веку гасит пожар. Певцы наши пели во время войны, посмотрите хронику. Козловский пел под пулями.

— Я понимаю — Вы о том, что искусство не дает забывать о том, что ты человек даже во время кровопролития. Но ведь у нас другая ситуация, мы, вроде живем мирной жизнью, но она тонет в дискуссиях вовсе не о том, каким следует быть человеку, моральным, аморальным, а о том, на каком языке ему говорить. Язык может быть и душа народа, но пять лет эти не принесли нам НОВОГО ЧЕЛОВЕКА.

Может быть, этот фестиваль оперного, балетного искусства — шаг к тому, что вечно и бессрочно? Ведь приглашаете на него — Вы, Мария Биешу...

М. Б. — Приглашаю не я, приглашает Молдавия, наш театр, наше музыкальное общество...

— Трудно представить Вас только как импресарио. Вы поете?

М. Б. — Пою в гала-концерте, пою (дебютирую) в «Бале-Маскараде»...

— Насколько реально участие звезд оперного искусства в этих спектаклях? Бывает, что обещают, а потом и не приезжают.

М. Б. — Ну, нет, уже и билеты заказаны, нет, это исключено. Архипова приезжает, Кудрявченко, молодая «звезда», очень красивый голос. Я была членом жюри на конкурсе «Мадам Баттерфляй», который в этом году прошел в Майями в США. И вот Катя Кудрявченко получила там Гран-при.

— Это большая удача! Но она подражала вашей манере? Был какой-то творческий контакт, советы?

М. Б. — Я ее консультировала, я ей помогала... Она вообще считает, что благодаря мне достигла там такого успеха, что я ее вдохновляла...

— У нас большой вопрос с посещаемостью оперного театра. Не может получиться такого афронта, что никто не придет, ведь это все-таки не митинг, а опера — искусство для избранных, так сказать, искусство условное, требующее настроя и все такое прочее.

М. Б. — Когда еще в 1985 году у нас была посещаемость хорошая, буквально где-то полтора-два года ситуация резко изменилась, и не только у нас, по всей стране. Держится еще Большой театр, но ведь туда ходят во многом из-за престижа: «Я был в Большом театре», как же... Видимо это, знаете, как эпидемия. Начались в Прибалтике волнения — вот и все стали подражать этому, по всему Советскому Союзу. Что, у нас такое бывало? Настроение, все опускается. Разве пойдут в оперный театр? А Чернобыль, землетрясение в Армении, все, все это — человека выбивает из колен.

У меня не было нигде проблем со зрителем, и сейчас в

других городах их нет, а в Кишиневе — есть проблемы. В Органный зал идут, а в театр...

— Но Органный зал — это у нас как бы для элиты, особое место. А что касается оперы — на ней крепко надо забыться и забыть о площадях и лозунгах. Все эти платья, весь этот грим, вся эта атмосфера, и голос, который все-таки голос, а потом уже слова и смысл. А люди-то сейчас гонятся за смыслом... не за красотой.

М. Б. — Да уж, как поменять программу «Время» на оперу! Если люди не образумятся, они опустошатся. Заболеть можно в один миг — лечиться придется долго. Более месяцами и годами. У меня последнее время часто плохое настроение — артисты переживают все глубоко, мы не виноваты в том, что мы особенные люди... А надо петь, надо работать. Надо заставить быть «в образе». Это гибель для меня! Не столько важно здоровье, сколько важно настроение. Вы понимаете меня?

— Еще бы не понять. Я хоть и не артистка, но у меня последнее время с настроением тоже не все в порядке. Как все-таки понять, что идея национального возрождения совмещается с ростом бескультуры? Вся страна заражена идеей возрождения — и мы падаем в пропасть...

М. Б. — Это должно быть... параллельно. Что такое классика? Классика существует испокон веков для воспитания Человека. Стендаль, Бальзак... А оперное искусство? Там есть и Пушкин и Чайковский. Сочетание! А выдающиеся певцы в этих спектаклях...

— Но постоянно, фольклор! Мы все кричим о фольклоре, мы ждем без него теперь не можем... Фольклорная пандемия захватила последний бастион — телевидение.

М. Б. — А что ж — фольклор? Это истоки. И Верди, и Пуччини исходили из фольклора. Но не должно быть все односторонне, это тоже гибель искусства и общества. Люди привыкли к песенкам, молодые тянутся к року... А если это транслируется целый день? Вы думаете, я как родилась — так и полюбила оперу? Я ее не понимала, когда училась в сельхозтехникуме. Но тогда была мода на радио, и каждый день в комнате общежития оно передавало (а это были 60-е годы) Козловского, Гаспаряна, Лемешева, Максакову, Архипову... и я поневоле заразилась... стала понимать, подпевать, петь! Если бы было такое сочетание — фольклор и классика, теперь! ...О чем говорить? Люди дерутся за власть, за кусок золота. За все. Пройти бы через это...

— Это только сам человек может сделать, больше НИКОГДА.

М. Б. — О чем я говорю? Если бы было смирение, человек бы не так рассуждал. «Нет сегодня хлеба, завтра будет...». Он бы все иначе воспринимал.

— Утешением скорбящих раньше занималась церковь. Теперь — нет, ей этой роли не выполнять. Человек озверел.

М. Б. — Вот, церковь! Я была в церкви греческой, в Симферополе, просто так, интересно же посмотреть службу. Вы бы видели, что там творилось! Священник престарелый, прощался с народом, раздавал крестики. Не одна тысяча было, наверное, у него этих крестиков. Но люди! Вы бы видели,

как все руками хватали друг друга за волосы, дрались. Зачем тебе Бог, если ты такой злой человек?

Я должна завтра ехать в Карпиненский детский дом с благотворительной целью. Я давно обещала. И все думала, что делать? Просто — деньги? Послать по счету? Нет, думаю, поеду сама, деньги вручу, что-то спою. Ломаю голову над репертуаром — как спеть тем, кто совсем мал, постарше, и для взрослых? Учу песни...

— Несколько необычный курс для тех, кто думает, что Биешу — вся в цветах и вообще где-то далеко на гастролях... Что ж, выходит и у нас не все потеряно с милосердием? Кто еще так «рискует»?

М. Б. — Едет Каранфил, она почитает, а я — спою... Нет, народ отзывается, народ — хороший, в душе у него что-то есть.

— А что думают наши крупные деятели искусства о политике? Куда сейчас без нее? Хоть вкратце...

М. Б. — Я — молдаванка. Естественно, что у меня болит душа за нашу республику, за наш народ, который не был самим собой. Я не могу сказать, что русская нация может считать себя самой собой. Она тоже... страдала. И это ее желание сохранить мир во всем мире... и всегда она хотела мира, как мне кажется. И я не могу сказать, что русский народ нам хотел плохого. Социализм, который мы «боготворили» и который «пережили» — вот истинный виновник.

— А, конечно! Политические вещи иногда выгодно мешать с национальными. Аргументация крепче.

М. Б. — ...Я очень люблю русский народ, уважаю эту нацию. Их ум, их действия... они открытые, они... в общем, это цивилизованная нация. Меня любят русские. Куда бы я ни поехала, встречают так!.. у меня так много русских друзей и здесь в Кишиневе, в Молдавии. И вообще я никогда на это не обращала внимания. Рука об руку — так и должно быть.

— Граница, однако, пролегла...

М. Б. — Сейчас каждая нация стала защищать свои интересы. И наша. Мы же не отделимся от Советского Союза. Никого не выгоняем из города... а если есть сокращения... так сокращения будут не только среди русских. Мы тоже театр фактически распускаем. Потом будем брать по договору. Даже если молдаване — чирикаешь там, плохо поешь, то изволь...

Я осуждаю действия гагаузов и Приднестровья. Они конечно, неправы совершенно. Я думаю, что все наладится. Сейчас какая-то мода... митинговать, драться. Помните, что было в Кишиневе? Налаживается же постепенно. А с нас требуют теперь землю. А почему мы должны ее отдавать? Жили же до сих пор... Уважайте же нас, пожалуйста, почему вы так брезгуете нашим языком?...

— Я думаю там ситуация несколько сложнее, но не будем чересчур политизировать наш разговор. Мы можем зайти в тупик, как наше правительство.

М. Б. — Чье достоинство мы ущемляем? Тираспольчаня не уважаю за это. Сколько миллионов они сделали убытка этим забастовкам. Может, поэтому и нет сейчас ничего на прилавках. Кому они ущерб нанесли? Себе. Нет, надо работать

в первую очередь. Я удивляюсь. Там ведь страшная смесь... это не чисто русские...

— В Приднестровье?

М. Б. — Страшная смесь... эти манкурты, которые... это они делают самое гадкое. Русский народ всегда был справедлив, а тут — несправедливость. И мы ведь... я их не поддерживаю абсолютно и даже осуждаю.

— Далеко мы зашли и отдалились от классики и пения.

М. Б. — Они меня любят... и даже когда начались эти конфликты меня пригласили, но когда они забастовали, я сказала: «За то, что они делают такой ущерб земле и людям, я их не уважаю», — и не поехала... Я думаю так. Не знаю, как другие, но — вы меня спросили.

— Может быть, вы что-то скажете и про памятник Ленину?

М. Б. — Это так обидно и так тяжело — верить в какой-то идеал и вдруг оказывается, что... поднимаются такие документы!

— Но мы бы могли посмотреть на памятник Ленину с другой стороны — он такая же крупная историческая фигура, как Петр Первый, Стефан чел Маре... и относиться даже к его переносу спокойнее, культурно-спокойнее, без этого истерично-революционного энтузиазма. Что делать, если этих сносных памятников было в истории немало и всегда с революционной песней на устах, а потом было стыдно, что не хватило знаний и культуры. Ленинская идея — это пласт мысли человеческой, и она хотя и омыта в кровавой купели, ничуть не хуже идей Ницше, которые омыли в крови фашисты. Правда, на беду Ленин был и практик... как Петр I, усекавший головы.

М. Б. — Не удался социализм поэтом. Резко, все резко произошло, это правда. Правда и другое: человек создан, чтобы работать. Чем быстрее все мы это поймем, тем будет лучше для всех нас. Я никогда не занималась политикой, я

была депутатом — службой на рода. Я принимала законы, да, сидела на сессиях, и там можно было выступить резко. Но ведь не так как теперь. Посмотрите, что делается. Кому не лень, все болтают. Что толку, если депутат встает и обращается к президенту: «Что было бы, если бы мы, Михаил Сергеевич, прекратили бы эту дискуссию?.. Руки в карманы... и таким голосом. Это же хамство. Где это видано? А битые милиционеров? Это же государственная власть. А мы смотрим по ТВ, как лезут в лицо милиционерам, плюют им в лицо, и те ничего не делают, не веле-но...

— ТВ это показывает... а как же опера?

М. Б. — Наше национальное ТВ решило снимать наш фестиваль, хотя это потребует больших затрат. Так, потихоньку...

— Глядишь, все как-то обрзается?

М. Б. — Перестройка началась не с того...

— А с чего надо было бы?

М. Б. — С человека, чтобы он ПЕРЕСТРОИЛСЯ.

— Всем не перестроиться, даже и уверовав в перестройку. К тому же, наши культурные дела, по-моему, захирели, а не возродились.

М. Б. — Да, а деньги? На конкурсе Рахманинова нашим трем лучшим пианистам давали 300, 200 и 100 рублей премии. А Губенко говорил про 3 копейки дотации на каждого артиста. В год. Тревога, опасность, трагедия! Погибнет любая нация, если не будет ИСКУССТВА.

— Мы, Мария Лукьяновна как-то промотались между двумя зонами — политикой и искусством, не в силах изолировать каждую. Давайте пожелаем друг другу, чтобы настало время, когда политикой будут интересоваться единицы, а искусством — миллионы, а не наоборот, как сейчас! И спасибо за беседу!

Беседу вела Е. ШАТОХИНА